

Н.К.Рерих
Письма к А.М.Антокольскому
Письма А.М.Антокольского к Н.К.Рериху

© Музей-усадьба Н. К. Рериха в Изваре, 1992

© Государственная Третьяковская галерея, 1992

© Институт истории естествознания и техники РАН, 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ряду публикаций писем Н. К. Рериха нынешняя публикация — не совсем обычная. Перед нами юношеские письма художника. Для понимания творчества Рериха, как и любой другой личности подобного масштаба, прочтение писем раннего периода жизни представляется важным и необходимым условием. Это шаг, прежде всего, к пониманию его внутреннего мира, его мечты и устремления, шаг, который дает возможность увидеть становление личности живописца. Письма Н. К. Рериха к Л. М. Антокольскому открывают читателю черты юности, входящего в большой мир искусства; уже в студенческие годы будущий художник жил напряженной творческой жизнью. Занятия в университете шли одновременно с учебой в Академии художеств. Рерих участвовал в издании студенческого журнала, помещал свои рисунки также в других петербургских журналах, писал иконы, выполняя заказы для церквей. При всей своей занятости и внутренней сосредоточенности он испытывал огромную потребность найти близкую душу, друга, которому он смог бы доверить свои мысли. В семье, особенно со стороны отца, Рерих не находил понимания. Близким человеком в студенческие годы стал для него товарищ по Академии художеств Лев Моисеевич Антокольский, племянник знаменитого скульптора; Леон—так называл его Рерих. Из писем к Леону Антокольскому видно, что Рерих с увлечением работал над своими картинами, делал много рисунков с натуры. При этом само отношение молодого художника к проблемам творчества, его стремление создать образ, передать нечто большее, чем внешнюю сторону модели, может быть, наиболее яркая черта юного Рериха.

Публикуемые письма раскрывают интерес Рериха к старинным преданиям и легендам. Впоследствии историческая тема нашла свое воплощение в его творчестве. И, наконец, в письмах выражено стремление художника к созданию некоего братства людей, близких по духу, увлеченных искусством, которыми владели бы чистые и благородные помыслы. Вскоре такой кружок был им создан. Письма к Леону Антокольскому—это повествование о высоком призвании живописца, воплощенном в облике самого Рериха, для которого искусство является могучей жизнестроительной силой.

Письма¹ Н. К. Рериха к Л. М. Антокольскому

1.

Петербург, 14. IV. 1894.

Опоздал я немного, дорогой мой, с письмом относительно экзамена. На экзамене рисунки все были довольно паршивые (разве исключая большого рисунка натурщика Малявина²), вероятно, из-за отсутствия моего и Вашего рисунка. Мне тоже не пришлось подать его—начал очень хорошо, все очень хвалили, наверно, в первую бы категорию нажарил—да заболел, и доктор засадил на 2 недели в комнату.

Кучеренко,³ бывший 1 №, получил № 22 II категории, а 1 № кто-то совсем незнакомый — не помню. Многие из наших дам опять впереди оказались—повезло им!

Вчера вернулся с охоты—на 3 дня в деревню ездил: ну, убил порядочно и наслаждался картинами ночи весенней. По дороге набросал 2 любопытных этюда в вагоне (и пассажиров).⁴

Экзамены университетские на носу, а занимаюсь не ахти как! У меня почему-то сложилось убеждение, что непременно провалюсь; впрочем, поживём — увидим. Теперь больше писать не буду— всё-таки позубриваю. Надеюсь, черкнете Вы мне тут как-нибудь, что Вы поделяете, как время проходит, как доехали.⁵ Да, в Академии теперь совсем пусто—народу мало, рисунков совсем ничтожное количество представляют.

Эх, много бы ещё хотелось написать, да нету времени— уж лучше, когда порешу с экзаменами. Жду Вашего письма. Желаю от души всего лучшего. У Михаила Осиповича⁶ был и передал Ваше поручение, всё хорошо обошлось.

Преданный товарищ *Н. Рерих*

2.

Без даты

«Воистину воскрес!»
Достойнейший друже, дорогой мой!

Спасибо, вечное спасибо за память.

Так будем же мы художественными братьями—обнимемся заочно и навсегда заменим Вы—Ты. Я, может быть, и поколебался бы раньше сделать этот шаг—но Твоё последнее письмо окончательно убедило меня в том, что Ты действительно друг, что Ты—брат, с которым можно поделиться невзгодой в трудную минуту и встретить сочувствие, которому можно передать радость и надеяться найти искренний отголосок. Ещё раз за всё говорю нерушимое спасибо и крепко жму руку Твою. Прочитав Твои вопросы относительно моих летних начинаний, я не мог усидеть за книгой и под предлогом ответить Тебе поскорее позволил себе хоть на время отвлечься, и заглянуть вперёд. За лето, если всё будет благополучно, думаю нарисовать портрет Михаила Осиповича) Микешина (нашего щиропочитаемого батька)⁷ и затем написать большой исторический этюд (одна фигура)⁸, но какой — это моя тайна, которую никто не знает (кроме опять же Михаила Осиповича Микешина), да и никогда, может быть, и не узнает, если этюд не удастся.

Для успеха этих двух работ мне бы весьма хотелось провести это лето в житии в деревне, но мои враги-доктора—гонят меня к морю (из-за катара и сердца, только не подумай, что тут начинаются дела сердечные). Не хотелось бы мне следовать совету врача. Экзамены университетские, вероятно, до конца не доведу— ей-Богу—надоело! Всё-таки скука порядочная. Должно быть, отложу на 2-й курс. Михаил Осипович Микешин хотел мне выхлопотать бумагу от Труворова⁹ о позволении производить изыскания и раскопки археологические. О реформах Академии¹⁰ умышленно ничего не пишу—там теперь сам чёрт ногу сломит—да к тому слухи совершенно волшебные—должно быть, враньё. Когда узнаю положительное — напишу. Наш щирый украинец Чуприненко¹¹ куда-то пропал—уж давно не имею о нём ни слуха, ни духа. Може він уже сидит на высокой могиле на Украине, а может, кохается с якою дивчиной—не (неразборчиво) не могу казати. Не могу понять твоего выражения, что и прекрасный пол соперничает в Вильне с самой природой— очень уж неясно,—поясни в следующем письме, которое, надеюсь, не замедлишь написать. Всею душою предан Тебе и люблю Тебя—брата художественного. Пиши о Твоих работах.

Н. Рерих

3.

Петербург 21.V 1894.

Переезжаю в деревню, дорогой друг,—экзамены кончились. Пиши по адресу: Балтийская железная дорога. Станция Волосово. Мыза Извара. Н. К. Рериху.

Письмо напишу недельки через полторы—теперь отдыхаю. Всего хорошего.

Друг Твой Н. Рерих

4.

Мыза Извара, 29. V. 1894.

По Балтийской железной дороге. Станция Волосово

Наконец-то, дорогой мой, чувствую себя способным написать пару строчек. И я теперь тоже на лоне природы. Приехал с целью недельки 2 совсем отдохнуть— а вышло иначе. Сразу, как приехал, засел за работу. Написал 1 рассказ, нарисовал 3 этюдика и начал мазать мой большой этюд — только не знаю, будет ли из него толк.

Мои экзамены сошли вполне благополучно, я к одному успел подготовиться в 2 дня (500 стр.). Ты вот писал мне, что я, вероятно, удивлён, услышав о Твоих, не относящихся к жанру, этюдах, об этом я хочу высказаться. Я думаю, что если бы люди не были ограничены в средствах, а главное—во времени (*vita brevis est*) *, то в работе не ограничивались бы узкими специальностями, а захватывали как можно шире всё, как и даже мы стремимся. Тогда не были бы художники-специалисты, а были бы идеальные художники вообще. Но мы во всём ограничены, и потому, помня это, ввиду большей пользы для общества, *volens-volens*** должны заключать себя в более или менее узкие рамки. Если на дороге лежат 2 камня, один большой, а другой маленький, то, по-моему, лучше убрать с дороги несколько маленьких камней и спасти общественный экипаж от маленьких толчков, чем тщетно стараться над большим и всю жизнь провести всё-таки без пользы. Всегда, по-моему, лучше двигаться по определённой дороге, раз уж намеченной, и даже если бы в середине и был виден сворот на более удобную дорогу, то уж не сворачивать, пока не дойдёшь до цели. Конечно, можно простить, если усталый пут-

---

*Жизнь коротка (лат.).

** Хочешь-не хочешь; волей-неволей (лат.).

ник свернет в сторону, чтобы напиться или чтобы сорвать душистый цветок. Но если он забудет о том, что он шёл успокоить больного друга, и останется собирать цветы, как цель своего пути, то уже такой поступок непростителен—он потерял путеводную звезду. Если ученый, изобретая что-либо, воздушный шар, по дороге остановится и отвлечётся изображением подходящей шёлковой ткани, то это ничего, если даже он и увлечётся немного, но вот коли он бросится всецело на изображение тканей и забудет о шаре, да потом ещё перескочит на другую специальность, то он перестанет быть ученым и делается дилетантом. В первом случае он отдаёт долг своей любознательности, не упуская цели; а во втором - любознательность, страсть берёт верх; а ещё Платон говорил, что рассудок в голове должен быть, мужество—в груди и страсти —в нижних частях тела. Также и художник: отвлекаясь от своей специальности только минутами, не упуская главной цели из виду,—он отдаёт долг своей художественной натуре и коль скоро основная цель ускользнула от взора, он перестаёт быть художником и делается всецело художественной натурой и это мы даже сплошь и рядом видим на выставках. Конечно кто будет стоять за узкую специальность, если бы отстранить ограниченность в средствах и времени? Но при данности положения дела только специальностью и можно оказать пользу обществу не оказаться пустоцветом. Всё это, я сказал, не относится к Твоим этюдам! Ты писал, что на одном этюде стена монастырская, а ведь это для жанриста вещь необходимая, так что тут, мне кажется. Ты действовал для достижения цели, которая как неясное облако причудливой формы смутно подымается из-за дремучего леса, через который нам предстоит пройти. В этом лесу и тигры и змеи ядовитые, и вредные растения; одному по этому лесу трудно пройти — ведь тропинок нет, как раз заблудиться и уж тогда трудно выбраться на верный путь (но что трудно одному, то легко многим), и потому сформируем, брат, дружину и, запасшись щитом знания и копьём опытности, тесной македонской фалангой пойдем смело в лес, и тогда, быть может, по звёздам да по ветру, под охраной Бога и выберемся на дорогу торную, яснее увидим цель и так, рука об руку, и пройдем до конца дороги, а в конце вижу—какая-то чёрная яма виднеется, — все туда придём...

В Академии какая-то ерунда происходит—ничего не поймёшь. Сперва все мастерские были запружены конкурентами, а теперь многие, говорят, разъехались. На днях Археологическая комиссия высылает мне открытый лист для раскопок. Просто беда - из редакции заседают, требуют обещанных статей, а они ещё не переписаны, а иллюстрации ещё даже не сочинены.¹² Надо, очевидно, работать, настроение у меня грустное, но об этом в следующем письме. Прости, голубчик, что пишу неясно и безграмотно кажется, письма всегда пишу с налёту, быстро. Отвечай скорей. Я Твои письма сохраняю, и Ты мои—тоже.¹³ Осенью всё надеюсь собрать человек 5 и собираться толковать. Да, боюсь, Ты очень расписываешь виленских красавиц, скажу Тебе словами Медеи Фигнер,¹⁴ как она ответила одному знакомому художнику, когда он писал портрет её: «Meuseu, не соблазняйтесь мной и не увлекайтесь». Я Тебе то же скажу. Передавай Твой поклон щирому батьке М. О. Микешину. Какой он памятник Жанне д'Арк¹⁵ сочинил—чудо! Да его всё что-то обходят. Всего лучшего. Пиши и пиши. Люблю тебя братски.

Н. Перих

5.

Мыза Извара, 22. VI. 1894.

Почему, дорогой друг, не отзываешься на мою весточку или даже, можно сказать, целое послание? Дошло ли оно? С радостью получил бы от тебя письмецо. Ergo,* жду ответа, привета...

Твой Н. Перих

Уж не увлёкся ли Ты одной из упомянутых Тобой Виленских гражданок? Scriba saepissima scriba ** (если только так можно сказать).

6.

Извара, 1. VII 1894.

Друже, дорогой мой! Наконец-то получил Твоё письмо! Как я обрадовался! Вообрази, несмотря на наше сравнительно короткое знакомство, я так привык к Тебе, что чувствую потребность говорить с Тобой, тем более что знаю, с какою задумчивостью будут встречены мои слова. Письмо Твоё прежнее я не получил, к сожалению, оно пропало, придётся при встрече тронуть эти темы. С какою радостью читал я Твои пожелания Ползунову— эта радость за товарища одна сама по себе есть уже залог, что Ты художник серьёзный, ставящий

задачу лишь в пользу общества, глядящий вдаль, а не под носом. Спасибо, успокоил и обрадовал меня. Сегодня же пишу в Академию и ответ оттуда препровожу к Тебе. Если приедешь в Питер 14 Августа, то надеюсь, на

Следовательно (*лат.*). ** Пиши как можно чаще (*лат.*).

денёк-другой приедешь ко мне — всего 2 1/2 часа по железной дороге. Тут бы мы окончательно выяснили наши взгляды и вообще серьёзно потолковали—вообще отвели душу. Предупреждаю, что в новом вопросе я прежде всего сузу а ріогі — я полагаю, что каждый человек должен сам по себе, на основании своих взглядов, выводить известное суждение, а уж потом, для проверки и поправки его, обращаться к авторитетам. В незнакомом городе я лучше пойду без проводника, проплутаю немного, но зато остановлюсь везде, где хоть что-нибудь меня интересует, зато по дороге затрону много интересных видов и вопросов, нежели если бы я шёл с проводником и путеводителем и смотрел только выдающееся на дороге. Мой путь сложнее и длиннее, но пройдя его, в результате получаешь что-то большое. Не так ли? Впрочем, на словах всё нужно подробно и ясно, а то тут не разъедешься, на бумаге-то.

Спасибо за строки о моём эскизе. Тема (кстати, рекомендованная и одобренная Михаилом Осиповичем), хороша, по мне. Но можно бы взять немного иначе.

Теперь я кончил чёрную работу и, вероятно, до половины августа не трону дальше — ведь время ещё будет. Если бы Ты приехал в августе, мы бы побалакали насчёт эскиза. Беда в том, что я чересчур много вижу и чувствую в сравнении с силами. Вот хочется, чтобы сквозь страдания от ран проглядывала радость, что родной город спасён, а выходит одно страдание.

Названо будет "Псковской рыцарь. 1581". Это скорее исторический и археологический портрет. Общую мысль скажу на словах. Чёрную работу пришлось делать без натуры—надеюсь за сентябрь закончить по Академическому натурщику. Сделал тут несколько иллюстраций. В оригиналах некоторые весьма приличны, не знаю, как-то выйдут в репродукции. Жалко, если пропадёт воздушность. Пиши и пиши, каждое Твоё письмо перечитывается по нескольку раз. Когда из Академии получу сведения, сообщу, надеюсь, за это время уже буду иметь Твоё письмо.

Твой преданный *Н. Перих*

7.

Извара, 8.VII. 1894.

Друже! Не дождался ещё ответа из Академии, а уж не могу отказать себе в удовольствии ещё раз перекинуться с Тобой 2-мя словцами. Вообрази, голубчик, мне тут скучно! Да! Скучно в родном гнезде! Это я испытываю ещё впервые. Не знаю, что за причина. Должно быть, кругозор расширился и нужна жизнь! Дела масса, а ни за что приняться не могу. Написал этюдик головешки — погано! Понимаешь, хочется и того повидать, и с этим поговорить, и у того посоветоваться, душу отвести. А вместо них — лес и лес! Мне скучно, может быть, потому, что тут *volens-volens* моё самолюбие спит, некому здесь разбудить его. Оно-то ведь, каюсь чистосердечно, и разжигает всегда меня, подмывает, заставляет делать всё, что угодно. Я самолюбив, и хоть моё самолюбие и доставляет мне много тяжёлых минут, но, в конце концов, я доволен на его обилие. Это такой кнут, такой источник энергии, что без него много чего нельзя были бы сделать. Впрочем, мне нечего говорить о самолюбии—ведь и ты самолюбив и всё сам чувствуешь. А только правда, самолюбие, вещь великая, известным образом направленное, может охранять и нравственность, и всё хорошее в человеке. Теперь о кружке.¹⁶ Спасибо, что разделяешь мои мысли. Помоги мне выполнять, давай выполним эту задачу. Только тут необходим строжайший выбор. Люди все должны быть честные, хорошие, добрые. Должны быть далеки от зависти, этого разлагающего элемента. Чтобы в этом кружке было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом. Числом не более 10, и десяток-то дай Бог набрать подходящих людей. Будем помогать друг другу развиваться, образовываться, расширять кругозор—что невозможно одному, то возможно многим. Художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные.

Трудную, брат, дорогу мы выбрали, но всё же я предпочту быть средним художником, нежели специалистом по другим многим областям. Всё же его занятия чище, лучше, всё же искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей, тогда как многое другое порождено низшими, а то и животными стремлениями. Ведь лучше служить тяжёлым трудом, но делу хорошему, нежели несимпатичному. А кружок чем важен? Художнику больше, нежели всякому другому, приходится испытывать разочарования и также увлекаться. Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом...

Если при отправке этого письма получу известие из Академии, то впишу в этот же конверт¹⁷. Во всяком случае, перешлю при первой возможности. Теперь же дай обниму Тебя, пожелаю Тебе всего, всего лучшего, исполнения всего, к чему рвёшься, для чего трудишься. До свиданья. В августе, надеюсь, навестишь.

Твой, Твой *Н. Перих*

8.

Извара, 28. VII. 18 94.

Дорогой друже, спасибо за письмо. Твои письма в нашей деревне являются для меня источником художественной энергии. Немного обидело меня место, где Ты сетуешь на себя, зачем посвятил меня в своё горе, ведь если Ты не будешь делиться со мной Твоими радостями и печалью, то значит, Ты считаешь меня за человека неотзывчивого или же просто неоткровенен со мною, а и первое, и второе для меня довольно обидно, поэтому надеюсь, что при последующих извещениях о Твоих радостях (молю Бога, чтобы больше не пришлось Тебе извещать меня о горе) уже больше не придёт в голову мысль, что лишнее—посвящать меня в тайники твоей души. Теперь об искусстве.

Видел недавно один компетентный человек моего «Псковского рыцаря» и сказал, что отчаиваться нечего, что всё, за исключением первопланной руки (которая без рисунка и делана без натуры), весьма недурно, и что он надеется в октябре видеть эти недостатки исправленными. Затем деятельно занят я историческими маленькими эскизиками (жарю второй), а в перспективе предвидятся мне многие. Теперь фигура¹⁸ более удовлетворительна. Редакция журнала «Звезда» приобрела у меня эскизец «Ушкуйник»¹⁹ и просила ещё доставить. Пополнил альбом двумя-тремя этюдиками. Надеюсь, Ты не забудешь навестить меня, коли приедешь в город. Если бы Ты знал, как меня тянет работать, видеть товарищей, кабы Ты знал, как хочется услышать Твоё мнение о моих работах. А в голове всё планы и планы,—пиши по всем отраслям моих занятий. Недавно бывший директор гимназии²⁰ сказал мне комплименты; когда я сказал, что не трудно вообще совместить все мои занятия, он ответил: «Совсем неправда. Вы на свою мерку мерите, а что не трудно Вам — то чересчур трудно многим другим». Каково мнение? А? В начале этого месяца получил поручение соорудить осенью большой портрет почётного попечителя для актовой залы гимназии²¹. На днях напал на след интересной рукописи по части археологии—теперь разыскиваю её по деревням.

В августе приступлю к раскопкам.

Пиши, пиши, пиши и приезжай скорее, и дай же Бог Тебе всякого успеха в Твоих истых начинаниях.

Твой, Твой *Н. Перих*

Заходил в Академию, но кроме старых котов и не менее старого Кузьмы никого не нашёл. Старые профессора уже очищают квартиры.

9.

Извара, 3. VIII. 1894.

Друже! Жду Твоего письма. Ты писал, что скоро собираешься в город, а так как я пробуду в имении числа до 15, а затем уеду в Москву, а мне весьма хотелось бы повидать Тебя у себя, то черкни, когда думаешь приехать в Питер и когда наведишь меня. Я думаю, что следующее Твоё письмо закончит нашу переписку. Теперь скоро увидимся, тогда вдоволь наговоримся, ведь на бумаге всего не напишешь. Ergo жду письма.

Твой и Твой *Н. Перих*.

На случай сообщи С.-Петербургский Твой адрес.

10.

Извара, 12. VIII 18 94

Дорогой друг мой! Я эгоист, и если бы Ты знал, с какой завистью читал вчера Твоё письмо. Ты говоришь, что едешь в Москву, а у меня поездка затягивается и, по-видимому, вовсе не состоится — одно дело требует моего присутствия здесь. Вчера даже я думал предложить и Тебе не ездить и отложить поездку до Рождества, чтобы поехать вместе, но потом сообразил, что это чересчур эгоистично; тем более, что я ещё наверное не знаю, что сделает со мною судьба. Может, и теперь попаду. На всякий случай, когда будешь в Москве, числа 21, наведайся в гостиницу «Славянский базар». Если я поеду, то остановлюсь в ней. Москву я видел поверхностно, и так и тянет изучить её основательнее. Теперь я ничего не делаю, да и не стараюсь делать. Стою, как конь на римских играх за цепью, и жду, когда упадёт она, чтобы броситься вперёд, потонуть в облаке пыли, кругом мелькают люди, всё торопится, шевелится. Слышится голос возничего. Рядом трудятся, вперёд рвутся товарищи. Жизнь кипит. Потрудимся, брат, и мы! Так, чтобы можно было сказать: *seci quom potui saciant meliora potentes!** Согласен, друже, вместе поднять стяг наш? Будем держать, несмотря на порывы ветра. Как мне хотелось бы, повидать Тебя поскорее. Твердо и крепко уповаю, что мы, встретившись, теперь

уже больше не разойдёмся, всё по одной дороге рука об руку пойдём. Пишу поганю, рука не слушается—был на охоте. Как будешь в Кремле и поглядишь на Замоскворечье, то вспомни меня и поклонись от меня этому широкому русскому простору.

---

* Сделал все, что мог, пусть кто может, сделает лучше (лат.).

Пришли мне еще письмо до 20 Августа. 25 Августа буду в Петербурге и надеюсь Тебя увидеть, сообщи адрес.

Твой друг и брат в искусстве

Н. Перих

11.

Извара, 28. V. 1895.

Дорогой друг! Поздравь меня — понатужился и сдал все экзамены. Теперь свободен и могу работать. Пока писать нечего. Пиши О себе—жду.

Пиши в Извару.

Балтийской железной дороги. Станция Волосово.

Твой *Николай Перих*

12.

Извара, 11. VII. 1895.

Дорогой друг! Спасибо за письмо. От души и сердца поздравляю Тебя с окончанием такого скучного портрета. Живу я помаленьку в Изваре и чувствую себя ещё немного усталым. Да ведь не шутка—800 нечитанных, коркуновского трудного слога страниц усвоить в 5 дней.

Когда получил Твоё письмо, со мною был один гостящий у меня приятель²²—мы были верхом и он, вообрази, упал вместе с лошадыю. Ужасно неприятная картина.

Много слепней и комаров на улице, этюдов нельзя писать, придётся их отложить до половины июля, когда насекомые пропадут.

Мой заветный Иван Царевич²³ в голове совсем уложился, теперь остаётся приступить к делу, что я на днях и устрою.

От Скалона²⁴ получил письмо, пишет, что живётся ему хорошо.

От Фёдоровича²⁵ писем теперь не получал и жду со дня на день ответа на одно своё.

Поклонись, друже, от меня Данишевскому²⁶. Кажется, симпатичный он очень человек. За это время написал я 2 этюда, сочинил 1 эскиз и написал рассказ—надо его обработать. В Дневник²⁷ ничего не внёс, хотя было кое-что интересное. Много интересного я надумал об искусстве за это время, но это все вещи длинные, об них писать нельзя, это всё на словах надо. Вообще я замечаю, что, благодаренье Богу, мои взгляды на искусство прояснились и выработалось совсем своё, нечто оригинальное. Уж не знаю, хорошее или худое, но всё же своё.

Вот я с 1891 года занимаюсь рисованием, а только теперь установилось своё и явилось своё воззрение. А то всё было подражательное.

4 года потребовалось для выработки своего. Впрочем, говорят, что многим не 4 года, а 6 и 10 нужно, чтобы освободиться от влияния, заговорить своими словами; хоть худыми, да своими.

Боюсь начинать Ивана Царевича. А ну, как на деле это выйдет гораздо хуже, чем теперь в моём представлении. Только это почти всегда так бывает. Познакомился я тут с народными представлениями о Иване Царевиче и о сказках. Ведь это не что иное, как весенний луч, проникающий в царство смерти и зимы, чтобы освободить красавицу—лето. Чудная это вещь—эпическая поэзия. Совсем она меня в полон забрала²⁸.

Пиши часто, голубчик, пиши. С наслаждением читаю Твои письма.

Твой *Николай*

Мой заочный поклон твоим родителям.

13.

Извара, 24. VI. 1895

Дорогой друже, хороший! Спасибо за письмо. Ты, видно, хорошего мнения обо мне—постараюсь, чтобы никогда это мнение не изменилось. Я начал Ивана Царевича. Грубо подмалевал—причем сбил рисунок. Сегодня всё высохло, и я начал писать самую фигуру. Тут работы до самого октября хватит. Этюдов теперь не писал. Я понимаю, или этюды blanc et noir * для рисунка, и красками, тогда нужно особенное освещение и

трудные световые эффекты, а писать этюд красками для рисунка или мотива мне не нравится. Вообще этюды мои малы по размерам и интересны лишь для меня самого да для самых близких, знающих меня людей.

Зачем, голубчик, хочешь в Твоём эскизе фигуру христианки заменить епископом? По мне, христианка симпатичнее. Впрочем, всё ясно будет, когда пришлѐшь общую композицию.

Теперь я нахожусь под впечатлением странной случайности. Дело вот в чём. Один крестьянин начал красть наш лес и вообще пакостить нам. Когда отец²⁹ говорил ему это—он отпирался и взваливал на других. Тогда отец сказал ему: смотри, брат, коли лжѐшь—пусть Бог тебя накажет. На другой же день над той деревней была гроза, и молния ударила в дом этого крестьянина, так что он сгорел. Другие дома не пострадали. Такой странный случай!

С удовольствием читал, что Ты не соблазняешься заказами— поставил же себе задачу более высокую, чем выполнение маленьких заказов — на это есть своего рода чернорабочие. Этой судьбы и мы не минем, если, чего Божи упаси, из нас толку не будет. А пока только есть силы, будем вперѐд идти, будем стараться сказать своё слово в искусстве. У нас задача не только покорить натуру, но стать её вечным властелином. Оживотворить натуру— заставить её говорить нашими словами. Творить.

Какая глубина в этой народной старине! Например: Иван-Царевич — ведь это весенний луч, пробивающийся сквозь царство смерти, зимы, чтобы освободить красавицу Лето. Не узкая, а общая, всесветная идея.

Не слишком останавливайся на этюдах—лучше побольше сил положи на эскиз, это глубже. Во всяком случае, человек, поставивший себе большую задачу, хотя бы и не выполнивший её вполне, всё же лучше маленького человечка, ограничившегося маленькой задачкой, даже и доведенной до конца. Кто не сочиняет, тот протоколист, а не художник истинный, творец.

Вот мой план Ивана Царевича.*

Ничего, брат, не поймѐшь тут. Ну, да осенью увидишь.

Если потом будут затяжки в письмах, то не приписывай это нежеланию писать—значит, или на станцию не ездил, или дела много.

Надеюсь, Ты отплатишь добром за зло и пришлѐшь мне Твою композицию в более понятном виде, а мне прости, голубчик, сегодня некогда понятнее изобразить, на станцию тороплюсь.

Чем длиннее и полнее твои письма, тем больше благословений сыплется от меня на Твою голову.

Пиши, много пиши.

Поклонись Твоим родителям, а также Данишевскому и передай ему мои сердечнейшие пожелания всего лучшего.

Жду Твоих писем.

На этой неделе был в Петербурге и в Академии видел образа работы Нестерова.³⁰ Прелесть, хорошо! Стилист какой!

Твой *Николай*

---

* В письме рисунок зачеркнут

14.

Петербург, 24.X. 1899.

Голубчик Леон, жалко, что Ты не застал меня вчера в Обществе.³¹ Ты спрашивал о новостях. Таковых пока не имеется, кроме странного отношения академической комиссии и публики к выставке Шишкина и Васильева³²—которая игнорируется ими.

Не худо бы обратить на это внимание, ибо картины Васильева теперь редки. Поклонись Елене Павловне Антокольской³³, всё думаю зайти к ней.

Твой *Н. Рерих*

15.

Петербург, 6 ноября 1899.

Голубчик Леон, хотя я и не бываю теперь регулярно в Обществе, но полагаю, что Ты застанешь меня там во вторник часа в 3 1/2. Сочувствую мысли о записках о Микешине,³⁴ при сѐм случае напишу Тебе несколько о нём замечаний.

№ Новостей, пожалуйста, доставь мне—всѐ, тебя касающееся, меня интересует. В половине декабря открывается в Археологическом институте палеографическая выставка³⁵, для которой деятельно хлопочет А. М. Соболевский³⁶ (добывает частные собрания), и, между прочим, мои ученики делают несколько снимков —

копий с миниатюр подлинников XIV века (из Публичной библиотеки). Псевдонима Твоего не открываю—не беспокойся.

Радуюсь Твоим успехам и весь твой

Н. Рерих

Поклонись Елене Павловне и скажи, что и рад бы в рай, да грехи не пускают. Можешь сказать ещё что-нибудь и получше этого, — вообще, как и подобает даме, что-либо приятное. Она это любит. Между прочим, всё более и более разочаровываюсь в женщинах. Самые лучшие из них всё-таки не выше среднего,—сие печально, но так.

Н. Рерих

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 698. Оп. I, № 19. Автограф. Фрагменты писем опубликованы: Короткина Л. В. Рерих в Петербурге—Петрограде. Л., 1985.—С. 22—27, 29; Румянцева О. В. Письма к другу // Аврора. 1985. № 8.

² Малявин Филипп Андреевич (1869—1940)—живописец.

³ Кучеренко, по-видимому, товарищ Рериха по Академии художеств. Сведений о нём найти не удалось.

⁴ Рисунки Рериха 1893—1895 гг.: Альбом. Бумага, акварель, цвет. тушь, ГТГ, № 2383.

⁵ Л. М. Антокольский уехал в Вильно (Вильнюс) к родителям. К письму приложен конверт с адресом: город Вильна, его Высокоблагородию Леону Моисеевичу Антокольскому. Ивановская улица.

⁶ Микешин Михаил Осипович (1835—1896)—живописец, график, учитель Рериха и друг его отца, К. Ф. Рериха. По эскизам М. О. Микешина создан целый ряд памятников в России и за рубежом: «Тысячелетию России» в Новгороде (1859), адмиралу А. С. Грейгу в Николаеве (1867), Екатерине II в Петербурге (1869), португальскому королю Педро IV в Лиссабоне и др. Микешин был также иллюстратором произведений А. С. Пушкина и Т. Г. Шевченко.

⁷ О портрете М. О. Микешина работы Рериха сведений не найдено.

⁸ Речь идёт о картине «Пскович»: картон, пастель, гуашь, 144X95. Частное собр., Москва.

⁹ О Труворове сведений не найдено.

¹⁰ Речь идёт о реформе академического преподавания, проведенной в 1894 г. В основе реформы лежала мысль о том, что Академия художеств должна стать не только школой мастерства, но, прежде всего, школой творчества. Значительную роль в подготовке и осуществлении реформы сыграл граф И. И. Толстой, коллекционер, в дальнейшем — вице-президент Академии художеств. Руководство творческими занятиями перешло к Совету профессоров, куда вошли И. Е. Репин, В. Е. Маковский, А. И. Куинджи, В. А. Беклемишев и В. В. Матэ. Было также избрано около шестидесяти действительных членов Академии художеств. Среди них: живописцы В. М. Васнецов, В. И. Суриков, В. Д. Поленов, скульптор М. М. Антокольский, историк И. Е. Забелин, химик Д. И. Менделеев, П. М. Третьяков и др. В качестве преподавателей в преобразованную Академию художеств пришли: И. Е. Репин, А. И. Куинджи, И. И. Шишкин, В. Е. Маковский.

¹¹ Чуприненко Степан Фёдорович. Живописец. Учился в Петербургской Академии художеств у И. Е. Репина.

¹² Рерих в студенческие годы сотрудничал в журналах: «Литературный сборник произведений студентов Императорского Санкт-Петербургского университета» (Под ред. Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, Д. В. Григоровича), «Звезда» (выходил в Петербурге с 1886 по 1905 г. Изд.-ред. П. Сойкин и др.) и «Всемирная иллюстрация» (выходил в Петербурге с 1869 по 1898 г. Изд. Г. Д. Гоппе).

¹³ Письма Л. М. Антокольского к Рериху хранятся в секции рукописей ГТГ.

¹⁴ Фигнер Медея Ивановна (1859—1952) — итальянка. Певица (драматическое сопрано). Выступала на сцене Петербургского Мариинского театра. С 1930 г. жила за границей.

¹⁵ О памятнике Жанне д'Арк работы М. О. Микешина сведений не найдено.

¹⁶ Рерих был инициатором кружка, состоявшего из учеников Академии художеств. Члены кружка готовили доклады (рефераты) по истории, археологии, философии. Рерих выбрал для себя тему реферата о Леонардо да Винчи; один из кружковцев — А. А. Рылов — приготовил реферат на тему о поэзии славян. Кружок собирался один раз в месяц в квартире профессора Военно-медицинской академии И. Р. Тарханова.

¹⁷ В конверт, вместе с письмом Рериха, вложена записка: «7 июля 1894. Николай Константинович, простите, что так долго задержал.

Я спрашивал у Петра Константиновича, что Вам было угодно узнать. Вступительный экзамен будет с 1-го октября. Будут задавать с натуры. Время продолжения — 3 месяца. После трех месяцев будет известно, сколько

принято. Летние работы будут выставлять тоже в октябре. Занятия начнутся с 1-го октября. Для архитекторов задача будет с фигуры, живописцы — с натуры. Я (неразборчиво) потому что ещё не был готов отпечатан номер, и сегодня мне Пётр Константинович объяснил. Конкуренты работают одни. Профессора не ходят ни один, так что кой-кто ещё не знают, что начать. Работают мало.

А. Н. (фамилия — неразборчиво) июля 7 дня»

¹⁸ См. прим. 8.

¹⁹ Ушкуйник. Бумага, карандаш. 20X26. Части, собр., Ленинград.

²⁰ Имеется в виду Май Карл Иванович (1824—1895)—директор частной гимназии («Гимназия Мая»), в которой учился Рерих. К. И. Май вышел в отставку в 1890 г. и остался попечителем гимназии, продолжавшей носить его имя.

²¹ Местонахождение портрета К. И. Мая работы Рериха неизвестно.

²² Лицо неустановленное.

²³ Картину «Иван Царевич наезжает на убогую избушку» (1894—1895) Рерих уничтожил. Она воспроизведена: «Литературный сборник студентов Петербургского университета», 1896; Е. И. Полякова. Николай Рерих (Жизнь в искусстве), М., 1973. Ил. 10. В ГРМ хранится рисунок Рериха «Всадник». Предположительно — это набросок к картине «Иван Царевич наезжает на убогую избушку», 1894. Бумага, графитный карандаш, тушь, перо. № Р 50546.

²⁴ Скалой Александр Васильевич (1874—1942)—живописец.

²⁵ О Федоровиче сведений не найдено.

²⁶ Данишевский Семён Исаакович (1870—1944) —живописец. Род. в Вильно (Вильнюсе). Учился в Обществе поощрения художеств и в школе кн. М. К. Те-нишевой у И. Е. Репина, затем в Париже. Жил в Сухуми.

²⁷ Дневник Рериха хранится в секции рукописей ГТГ. Ф. 44.

²⁸ Подтверждение своему восприятию народной сказки Рерих мог найти в книгах: А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. М., 1869. Фрагменты этого сочинения перепечатаны: А. Н. Афанасьев. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. А. Н. Афанасьев исследовал целый ряд народных сказок, в которых отражено годовое обращение солнца. Пробуждение земли от зимнего сна получило поэтическое толкование у древних славян в сказке о том, как «Невеста-Земля, в полном цвете и роскоши своих летних уборов, вдруг под влиянием чар злой колдуньи-Зимы превращается в камень и засыпает долгим, непробудным сном; во всём её царстве жизнь приостанавливается и как бы застывает до тех пор, пока жаркий поцелуй молодого царевича — весеннего солнца — не разбудит красавицы для любви и общей радости». А. Н. Афанасьев. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М., 1976. С. 123.

²⁹ Рерих Константин Фёдорович (1837—1900) — нотариус, отец Рериха.

³⁰ Речь идёт о работах М. В. Нестерова, выполненных для храма Воскресения в Петербурге («Спас на Крови»), построенного по проекту арх. А. А. Парланда.

³¹ Имеется в виду Общество поощрения художеств. Рерих работал в Обществе с 1898 г. в качестве помощника директора музея.

³² Посмертная выставка произведений О. А. Лагоды-Шишкиной, И. И. Шишкина и Ф. А. Васильева состоялась в 1899 г.

³³ Антокольская-Тарханова Елена Павловна (1868—1932)—скульптор, племянница М. М. Антокольского, жена физиолога И. Р. Тарханова.

³⁴ Сведений о «записках» не найдено.

³⁵ В декабре 1899 г. в залах Археологического института состоялась выставка, на которой экспонировались рукописи с миниатюрами XIV—XV вв. из Публичной библиотеки и частных собраний.

³⁶ Об А. М. Соболевском сведений не найдено.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Л. М. Антокольского к Н. К. Рериху

1.

20 апреля 1894 г.

Любезнейший друже и товарищ!

Весьма и весьма я благодарен вам за ваши реплики об экзамене. Вы единственный, который оправдал свои обещания и конечно такие вещи не скоро забываются. Будьте уверены, дорогой Николай, что я за все время нашей будущей жизни сторицей воздам вам за это одолжение. Знаете, сидя здесь почти на лоне природы (а природы у нас здесь очень много, когда-нибудь я вам поподробнее опишу ее) я поневоле временами переносюсь в далекое будущее, когда мы, быть может, совместно с вами, как с братом по художественному отцу, будем творить действительно художественные произведения...

Жалко однако, что вы на первый раз немного поскупились, меня чрезвычайно заинтересовало то обстоятельство, как я узнал от одного академика-конкурента, приехавшего сюда позднее меня, что Новый Совет приступил к более активной деятельности, обошел мастерские конкурентов и наметил целый ряд коренных реформ в деле устройства этих мастерских. При существовании французской поговорки *qui viva vegeta*¹, я однако пламенно желал бы от вас именно узнать, в чем, собственно, заключаются эти коренные реформы и по сколько они действительно отвечают потребности.

Что касается меня, то я пока еще ничего не сделал, вы скажете может быть — Бог лениться не велит, или не следует ...* давать на завтра и пр. И что с одной стороны будет и справедливо, а с другой — как будто и не совсем справедливо. Дело в том, что приехал я сюда как раз к началу нашей ветхозаветной Пасхи, когда по законам запрещено заниматься каким-нибудь ручным делом (пожалуйста, не улыбайтесь), а в особенности запрещено «делать изображения» (!). Конечно, оставалось только делать визиты и ухаживать за прекрасным полом, который, кстати, здесь

---

¹ Время покажет (*фр.*).

* Слово неразборчиво.

соперничает с самой природой; такие соблазны не могли не затянуться и до сей поры. Итак, я не далее как завтра приступаю к работе, благослови, друг!...

Не знаете ли, что с нашим славным запорожцем Стефаном Чуприненко, в Петербурге ли он или поехал на степь, ко Черному морю, на турку ходит или храмо-козаченку годует? Когда вы кончаете с вашими проклятыми экзаменами и что тогда предпримете?

Меня очень огорчает, что вы были больны и особенно в такую страдную для вас пору, а о том чтобы выдержали ваши экзамены, я буду горячо молить «виленскую луну», которая так благосклонна ко мне. Надеюсь, вы не будете шокированы. Кончайте поскорее и тогда черкните мне по тому же адресу.

Ну-с, будьте здоровы, поздравляю вас с Светлым Праздником и целую вас троекратно по русскому обычаю: Христос Воскрес! Михосин-чу не откажите при случае отвесить от меня нижайший поклон.

Искренно преданный и любящий вас *Антокольский Леон*.

2.

5 мая 1894 г.

Дорогой мой, любезнейший друг!

Не знаю, удастся ли мне с достаточной полнотой выразить в этом письме, как сильно тронули меня твои дружеские заверения. Я думаю—тебе без сомнения покажется понятным, что живя здесь, на лоне природы, и питаюсь одной только созерцательной пищей, так как и здесь, как и во всяком провинциальном захолустьи, нет никого, кроме Колупаевых и Разуваевых—ты поймешь, что в моем положении едва ли не самое незаменимое—это переписка с другом, деятельный обмен мыслей и впечатлений. Я настолько верю в прочность установившихся между нами отношений, что заранее с наслаждением предчувствую, сколько приятных минут доставит мне эта желанная переписка с тобою. Я бы даже хотел, чтобы это стало известным нашему «щирому батьке», как ты называешь нашего художественного отца.

Читаешь-ли, друг мой, отчет о заседаниях художественного съезда. Признаюсь, я совсем ничего не разберу. Неужели в самом деле весь наличный состав наших художественных сил состоит исключительно из Каразина, Егорнова или Ге. Какой же это художественный съезд, какой тут праздник русского искусства!?

Если, как пишут, отсутствие художников на съезде объясняется демонстрацией, то положительно становится стыдно за наших учителей. .. Мне приходит на память покойный Крамской — уж он, во всяком случае, не допустил бы до этого. Он скорее пожертвовал бы мелочной рознью художников ради идеи духовного единения их. (Художественная артель, созданная им—лучшее доказательство этого, да и первая мысль о съезде тоже принадлежала ему).

Если эта рознь — отчасти следствие статьи Стасова — «Нужна ли рознь между художниками», то ему и обязаны устроители крайне неудачными результатами съезда.

Из вопросов, разбиравшихся там, мне наиболее симпатична мысль об устройстве коллективных мастерских для начинающих художников. Если я не ошибаюсь, то эта мысль принадлежит Ге.

О непрочности масляной живописи—профессора Петрушевского—не ново, он уже много писал об этом (я читал его обстоятельную лекцию об этом, читанную на заседании технического общества) — удивляюсь, отчего он не указал каких-нибудь радикальных средств к устранению порчи живописи; зато он привел

сравнительную статистику употребляемых красок на палитрах различных художников и установил норму в количестве 10—12 красок—это, кажется, не ведет к цели! Но всего более меня возмутил доклад Каразина, основная мысль которого та, что не следует писать картин с натуры и в этом случае черпать материал нужно только из колодца фантазии.

Насколько это непоучительно—настолько же и не остроумно.

Погода здесь стоит великолепная. Небо почти южное, а солнце с утра до вечера не перестает обильными лучами заливать прелестные уголки здешних палестин. Город окружает со всех сторон целый ряд невысоких гор, заросших густым сосновым лесом. С одной стороны лес называется «зверинцем»; у подножья этого леса, расположенного также на горе, протекает Вилия, не особенно глубокая и широкая река с чрезвычайно живописными берегами. Хороша эта река при закате, когда на поверхности ее отражаются с одной стороны — густой темный лес и с другой — небо, обожженное пламенем заката—тишина, прерываемая всплескиванием воды под лодкой. Я по природе своей не пейзажист, но, поверишь ли, дорогой мой друг, мне завидно становится, что пейзажист, изображая природу, по большей части переживает сладкие минуты объективного созерцания. Нам, жанристам, или историкам приходится еще ведаться с тем или другим анализом, который, конечно, исключает непосредственное чувство. Нам предстоит двойная работа, работа сердца и ума, тогда как пейзажисту остается только чувствовать.

Не могу сказать, чтобы я много успевал здесь, мне недостает в моем характере большой дозы спокойствия, для того чтобы не разбрасываться и не делать непосильных попыток взять сразу несколько редутов.

Я написал 2 этюда здешних церковных зданий (1—собор св. Бернардина и 2—Новодевичий монастырь).

Ты спросишь, какое это имеет отношение к моему жанру? К сожалению, я не потрудился отдать себе в этом отчет, помню только, что в одном этюде мне понравились строгие готические формы собора и в другом—небо красиво гармонировало с монастырской оградой и кустами за оградой.

Кроме этого я пишу поколенный портрет моего отца в натуральную величину (40 вХ18 в) —первая работа по величине, которую я когда-либо рисовал, или писал.

У меня здесь, в доме отца, есть большая комната, которую я приспособил для мастерской и в которой, вероятно, буду в течение всего лета писать и рисовать натурщиков в костюме Адама. А надоест работать в комнате—20 минут ходьбы и я уже в парке, еще дальше—река, горы, лес—все это под рукой. Здоровье мое в полном цвету, ем, пью обильно, дышу свежим здоровым воздухом. По вечерам при электрическом освещении лорнирую без бинокля виленский прекрасный пол, приходящий как и я, на музыку в «ботанический» сад.

На представительницах слабого пола остановлюсь подробнее. На мой взгляд, как я уже писал, некоторые из них настолько хороши, что гармонируют вполне с красивой природой, и как эта природа лишена грандиозности и строгой красоты, так и ее обитательницы отличаются далеко не классической красотой, Венеры тут так же редки, как и на Сенной в Петербурге; зато их наружность привлекательна необыкновенно и волнует душу осмысленностью и содержанием своего лица, пышущего здоровьем. Виленская девушка при значительной доле женственности и кокетства отличается, однако, чуткостью и отзывчивостью. Не думай, впрочем, что я пошел дальше одних только беглых взглядов, и знакомых дам у меня не особенно много, а коротко знакомых и совсем нет.

Тороплюсь кончить, чтобы поспеть с отсылкой. Пожалуйста, дорогой мой Николай, побалуй меня более подробными письмами обо всех твоих делах и в особенности об экзаменах, которые от всей души желаю тебе довести до конца.

Пиши также о своем здоровье, советую тебе поменьше враждовать с пользующимися тебя врачами, ибо если они тебя в Крым посылают, то и поклон им за это. Я, например, совсем не прочь посмотреть на Алупку, Судак и прочее. Был в Одессе и не побывал в Крыму—как ты это назовешь? Зато я успел побывать в Кишиневе и Херсоне и проехаться вверх по Днепру.

Ну, до свидания, Коля, жму крепко твою руку и с удовольствием расцелуюсь.

Все-таки был бы очень счастлив, если б получил от тебя реляции о происходящем в Академии.

Чуприненко с Федоровичем 10 Апреля уехали из Петрограда и до сих пор не имею никаких сведений о них.

Преданный тебе друг

Леон Антокольский.

3.

27 июня 1894 г.

Дорогой мой друг!

Ума не приложу, никак не могу понять, почему это ты не получил моего письма, я там столько написал, что вряд ли сумею теперь снова то же самое изложить, что в том письме. Неужели оно пропало? Если ты мне сообщил тогда верно свой адрес, то я, кажется, не ошибся—я написал так: Студенту Рериху. Ст. Волосово Балтийской железной дороги. Мыза Извара. Может быть, я неверно прочитал, теперь, просмотрев твои 2 письма, в которых есть адрес, читаю не то «Мыза Извара», не то «Увара».

Если письмо где-нибудь затерялось, то ты, вероятно, его получишь, а то, может быть, уже и получил, а это было бы лучше всего.

Слышал здесь про картину Ползунова, которую он написал для осеннего конкурса — «История падшей женщины»; фон — Невский проспект. Пишут мне, что Репин видел и пришел в восторг — вероятно, что-нибудь особенное, может быть, шедевр, который послужит началом его известности. Bravo, Ползунов! Я никак не ожидал такого быстрого успеха его. Когда он был в фигурном классе, я тогда только что перешел и за 2-ю фигуру получил № 1; он получил № 2-ой. Вообще мне казалось, что я лучше его пойду, но судьба решила иначе — sic transit gloria mundi², — а может быть, я сам виноват в этом более, чем судьба, во всяком случае, я ужасно рад его успеху, дай Бог ему справляться с такими трудными темами, как эта.

Мне уже и то нравится в нем, что он не остановился перед экой трудностью, что доказывает, что это большой корабль, которому предстоит большое плавание.

На днях читал в Новостях — состав новых профессоров в Академии. Ты, вероятно, уже раньше меня знал. Меня, однако, очень удивляет, что ты так мало сообщал мне реляций о происходящем в Академии. Мне приходится ограничиваться сомнительными слухами. Пожалуйста, дорогой, будь настоящим другом, когда будешь в Питере, узнай у товарищей, какого рода экзамен мне предстоит. Если мне предстоит теперь и в самом деле экзамен для поступления в Академию, то представь себе, что это, конечно, вопрос жизни или смерти для меня; и при всем том, я еще не знаю, что мне предстоит.

Как же подвигаются твои работы, напрасно ты так скоро отчаялся в успехе твоего исторического эскиза, работай, работай, голубчик мой, не покладая рук, дело твое правое, а при твоём таланте все зависит только от энергии и терпения. Что же с портретом

---

² Так проходит мирская слава (лаг.).

широкого батьки? Когда примешься за эту работу? Желаю тебе от всей души успеха, старайся быть на высоте твоего призвания, не падай духом от маленьких неудач, всякий то же самое переживает, от гениального художника—до последнего картинных дел мастера.

Что до меня, то я по-прежнему звезд с неба не хватаю, а если удастся написать хоть как-нибудь удовлетворительно этюд, то и этого с меня довольно. Впрочем, увидишь скоро, я уже 15-ого Августа выезжаю в Питер и теперь не прочь был бы повидаться с тобою, если б это было возможно.

Ради Бога, Николай, выполни мою просьбу, тебе все-таки ближе, когда узнаешь и напишешь мне, тогда в письме раза 2— 3/2 поцелую тебя!

В том письме я ответил тебе по всем статьям: и о художественной) специальности, и в особенности я распинаясь за твою мысль собрать кружок товарищей для собеседования. Скажу теперь опять, что эта мысль встретила с моей стороны самое горячее участие; если тебе принадлежала инициатива, то я наравне с тобою буду исполнителем. Ну-с, а теперь, addio mio carissime³.

Может быть, повидаться с Михаилом Осиповичем), пожалуйста, поклонись.

Пишу мало, потому что некогда, отправляюсь сейчас за город.

Жду с нетерпением известий.

Твой преданный тебе

Леон Антокольский.

4.

Вильна, 6 августа 1894 г.

Дорогой мой друг! Письмо твое застало меня среди самых хлопотливых приготовлений к отъезду. Извини, голубчик, что не ответил. Положительно некогда было, нечего и говорить, что работа не особенно спорится, когда одолевают дела семейные. Спешу поскорее отсюда уехать, чтобы в Петербурге заняться серьезно эскизами. Выезжаю отсюда 15-го—16-го августа, еду в Москву, там пробуду от 19-го до 24-го августа. Оттуда *reste*⁴ по Николаевской дороге еду в Питер. Меня в восхищение приводит, что ты тоже к тому времени будешь в Белокаменной, напиши, друг мой, как мы там встретимся. У меня, собственно, тоже не к кому заехать, и в гостиницу не заеду — не знаю, как поступить.

Еду в первый раз в древнепрестольный град посмотреть на его богатства и тем увеличить запас своих исторических познаний.

Напиши, пожалуйста, сколько времени пробудешь в Москве и не едешь ли и ты с той же целью, что и я. Было б очень не худо, если б мы сообща позанимались изучением этого художественного центра.

Еще раз прости, что не ответил на прошлое письмо. Я вполне понимаю, что ты обиделся справедливо и вперед буду без всяких оговорок делиться с тобою. Если еще увидишься с Михаилом Осиповичем, передай им всем мой искренний поклон.

---

³ Прощай, мой дорогой (*итал.*).

⁴ Вероятно, от глагола *resto* (лат.) — возвращаться.

Ну, до свидания, друже, жду нетерпеливо твоего письма, которое окончательно решит наше сидение в Москве.

Твой навеки преданный тебе друг и художественный брат,

Леон Антокольский.

5.

Вильна, 6 июня, без года

Дорогой друг мой Николай Константинович! Спасибо тебе, голубчик, за письмо которым ты меня известил о благополучном окончании твоих экзаменов—поздравляю тебя от всей души и желаю теперь исполнения твоего заветного желания—выполнения Ивана Царевича. Советую тебе предварительно хорошенько отдохнуть и погулять, а затем, набравши сил, приступить к работе.

О себе могу только сообщить, что я только вчерашнего дня совершенно покончил с портретом Государя и получил деньги, о чем прошу тебя меня поздравить. Теперь я так отдохнул за эти 12 дней, что я здесь могу немедленно приняться за работу. Живу на даче в прелестной гористой местности, среди соснового леса. Жду от тебя подробного письма, и во всяком случае, когда выедете в Гапсаль, прошу мне сообщить адрес. Федоровичу я еще не написал, жду обещанного материала. Нет ли у тебя от него писем и известий о Скалоне?

Я тороплюсь на почту, а потому извини, пожалуйста, за краткость.

Прошу тебя передать мои сердечные поклоны твоим родителям, сестре и братьям и принять поздравления и пожелания всего хорошего от моих родителей и Данишевского, который теперь в Вильно.

Твой вечно преданный тебе

Леон Антокольский

Жду от тебя писем. Адрес мой тот же.

6.

Вильна, 26 декабря, без года

Дорогой, любезный друг мой, спасибо тебе большое за письмо, ты меня несказанно обрадовал, я рад за себя, но еще больше за тебя. Если ты помнишь, то я всегда говорил, что твой «Пскович» составит твою славу. А этот успех на экзамене как для меня, так и для тебя имеет большое значение, особенно после неудачи в ноябре; не правда ли, если б нам и теперь за этот этюд поставили 4-ую категорию, было бы совсем не весело. Поздравляю тебя и с праздником Рождества Христова—с наступающим Новым годом, а главное, поздравляю тебя с успехами в Академии (успех—это причина и следствие вообще нашего успеха). Я сужу по себе: чем больше я имею успех своими работами, тем успешнее идет моя дальнейшая работа, может быть, это справедливо и относительно) тебя тоже, так как характеры наши, по общему признанию, так удивительно сходны. Основательно отдыхаю теперь дома, после свидания со своими 4-мя братьями, со дня приезда еще ничего не успел «создать»—таким образом, кисть моя скучает бездействием и физические силы восстанавливаются, может быть, в ущерб умственным, но это весьма часто бывает. Впрочем, я возобновляю свои старые знакомства и приобретаю новые. Для меня, я чувствую, это очень полезно, так как я стараюсь из каждого знакомства что-нибудь вынести для себя полезное. Ты скажешь—это эгоистично с моей стороны, но зато ведь происходит постоянный обмен, и мои новые знакомые тоже выносят что-нибудь. Проездом в Кишинев у меня был Федорович, и мы провели с ним несколько часов, уже от него я приблизительно узнал результат экзамена. Он просил передать Скалону, чтобы он за это время отыскал комнату (они условились жить вместе) и сообщил бы ему адрес этой комнаты по адресу: Кишинев, Государственный банк, Федоровичу, для Владимира Николаевича. Это необходимо, так как Федорович после Рождества хочет прямо заехать в новую общую квартиру. Передай Скалону мой сердечный поклон и поздравления с Новым годом. Я мечтаю о том, чтобы мы, если не количественно, то качественно продолжали бы работать, если не с большим, то, по крайней мере, с тем же успехом. Передай, пожалуйста, мой поклон и искренние пожелания всего лучшего вашей семье. А пока, прости, что не пишу больше, почти не о чем, да и скоро увидимся, наговоримся. До свидания, если будет у тебя время и охота, напиши, как проводишь время, а точнее о твоём визите к Елене Павловне.

Искренно преданный тебе

Л. Антокольский.

Очень был бы рад получить от тебя еще одно письмо, более подробное, если можно—с припиской Скалона.

